

Законные интересы уголовно преследуемого лица: теоретико-правовой анализ и проблемы законодательного закрепления

Юрий Борисович Чупилкин

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Южно-Российский институт управления,
Ростов-на-Дону, Россия, chupilkin_yb@ranepa.ru,
SPIN-код: 7516-9201, <https://orcid.org/0000-0001-7728-5903>

Аннотация

Введение. Актуальность научной разработки категории «законные интересы лица, подвергаемого уголовному преследованию» детерминирована комплексом взаимосвязанных теоретических и правоприменительных проблем. Во-первых, в отечественной доктрине до настоящего времени не достигнуто консенсуса относительно сущностного содержания данного понятия и его места в системе правовых явлений, в особенности в соотношении с категорией субъективного права, что предопределяет перманентную научную дискуссию. Во-вторых, анализ отраслевого законодательства, прежде всего уголовно-процессуального и оперативно-розыскного, выявляет устойчивую терминологическую эклектику и фрагментарность в употреблении конструкции «законные интересы». Подобная законодательная непоследовательность служит индикатором отсутствия целостной концепции охраны данного правового блага на уровне правотворчества. В-третьих, специфика начального этапа уголовного преследования (выявления и установления лица, совершившего преступление) характеризуется парадоксальным сочетанием максимальной интенсивности ограничений прав личности с минимальным уровнем процессуальной публичности и состязательности.

Цель. Провести комплексный анализ понятия «законные интересы» применительно к уголовно преследуемому лицу, выявить противоречия в его законодательной регламентации в УПК РФ и Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» и сформулировать предложения по совершенствованию правового регулирования.

Методы. Исследование базируется на применении общенаучных (анализ, синтез, системный подход) и частно-научных методов: сравнительно-правового, формально-юридического, логического, метода правового моделирования.

Результаты. Установлена системная терминологическая несогласованность в использовании категории «законные интересы» в УПК РФ и Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности», приводящая к правовым пробелам. Проведен анализ теоретических подходов к пониманию «законных интересов» и определено их содержание, сущностные характеристики в контексте уголовного преследования. Определены отличия категорий «законные интересы» и «субъективные права» уголовно преследуемого лица. Обоснована динамическая модель законных интересов, эволюционирующих от абстрактных охранительных барьеров на этапе выявления и установления заподозренного лица, совершившего преступление, к конкретным активным процессуальным средствам защиты на этапах установления причастности подозреваемого лица и обличения обвиняемого лица в совершении им преступления.

Выводы. Автором представлена динамическая модель эволюции системы законных интересов уголовно преследуемого лица, детерминированная этапами уголовного преследования и меняющимся процессуальным статусом лица (заподозренный → подозреваемый → обвиняемый). Обоснованы предложения по преодолению выявленных коллизий, направленные на унификацию терминологии в УПК РФ, предусматривающую закрепление категории «прав и законных интересов» для всех процессуальных статусов участников уголовного судопроизводства и на признание законных интересов объектом судебной защиты на всех этапах уголовного преследования. Для оценки правомерности действий должностных лиц (особенно в оперативно-розыскной деятельности) автор предлагает пятиуровневую иерархию правоохраняемых благ (от жизни и здоровья до имущественных интересов). Ключевым критерием законности вмешательства должен стать принцип соразмерности (пропорциональности) – защищаемый интерес должен быть не ниже того, которому причиняется вред, а ущерб должен быть минимизирован.

Ключевые слова: законные интересы, уголовно преследуемое лицо, выявление, установление совершившего преступление лица, подозреваемый, обвиняемый, правовой статус, субъективные права, соразмерность, правоохраняемые интересы

Для цитирования: Чупилкин Ю. Б. Законные интересы уголовно преследуемого лица: теоретико-правовой анализ и проблемы законодательного закрепления // Северо-Кавказский юридический вестник. 2026. № 1. С. 149–170. EDN VJHPQC

Original article

Legitimate interests of a criminally prosecuted person: theoretical and legal analysis and problems of legislative consolidation

Yuri B. Chupilkin

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Южно-Российский институт управления, Ростов-на-Дону, Россия, chupilkin_yb@ranepa.ru, SPIN-code: 7516-9201, <https://orcid.org/0000-0001-7728-5903>

Abstract

Introduction. The relevance of the scientific development of the category "legitimate interests of a person subject to criminal prosecution" is determined by a set of interrelated theoretical and law enforcement problems. Firstly, there is still no consensus in Russian doctrine on the essential content of this concept and its place in the system of legal phenomena, especially in relation to the category of subjective law, which predetermines a permanent scientific discussion. Secondly, the analysis of sectoral legislation, primarily criminal procedure and operational investigative legislation, reveals a stable terminological eclecticism and fragmentation in the use of the construction "legitimate interests". Such legislative inconsistency is an indicator of the lack of a holistic concept of protecting this legal good at the law-making level. Thirdly, the specifics of the initial stage of criminal prosecution (identification and identification of the person who committed the crime) are characterized by a paradoxical combination of maximum intensity of restrictions on individual rights with a minimum level of procedural publicity and competitiveness.

Purpose. To carry out a comprehensive analysis of the concept of "legitimate interests" in relation to a criminally prosecuted person, identify contradictions in its legislative regulation in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and the Federal Law "On Operational Investigative Activities" (the Law on Criminal Investigations) and formulate proposals for improving legal regulation.

Methods. The research is based on the application of general scientific (analysis, synthesis, systematic approach) and private scientific methods: comparative law, formal law, logical, legal modeling method.

Results. A systematic terminological inconsistency in the use of the category "legitimate interests" in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and the Federal Law "On Operational Investigative Activities" has been established, leading to legal gaps. The analysis of theoretical approaches to understanding "legitimate interests" is carried out and their content and essential characteristics in the context of criminal prosecution are determined. The differences between the categories of "legitimate interests"

and "subjective rights" of a criminally prosecuted person are determined. A dynamic model of legitimate interests is substantiated, evolving from abstract protective barriers at the stage of identifying and establishing a suspected person who has committed a crime, to specific active procedural remedies at the stages of establishing the involvement of a suspected person and exposing the accused person in committing a crime.

Conclusions. The author presents a dynamic model of the evolution of the system of legitimate interests of a criminally prosecuted person, determined by the stages of criminal prosecution and the changing procedural status of the person (suspected → suspect → accused). The proposals to overcome the identified conflicts are substantiated, aimed at unifying terminology in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, which provides for the consolidation of the category of "rights and legitimate interests" for all procedural statuses of participants in criminal proceedings and recognizing legitimate interests as the object of judicial protection at all stages of criminal prosecution. To assess the legality of the actions of officials (especially in operational investigative activities), the author suggests a five-level hierarchy of law enforcement benefits (from life and health to property interests). The key criterion for the legality of the intervention should be the principle of proportionality (proportionality) – the protected interest should not be lower than the one that is being harmed, and the damage should be minimized.

Keywords: legitimate interests, criminally prosecuted person, identification, identification of the person who committed the crime, suspect, accused, legal status, subjective rights, proportionality, law enforcement interests

For citation: Chupilkin Yu.B. Legitimate interests of a criminally prosecuted person: theoretical and legal analysis and problems of legislative consolidation. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2026;(1):149–170. (In Russ.). EDN BJHPQC

Введение

Актуальность исследования категории «законные интересы» уголовно преследуемого лица обусловлена фундаментальным значением баланса между эффективностью уголовного преследования и защитой личности от незаконного ограничения ее прав. В правовом государстве, каким провозглашена Россия, человек, его права и свободы являются высшей ценностью (ст. 2 Конституции РФ), а их защита – обязанностью государства. Неотъемлемым элементом правового статуса личности выступают законные интересы, однако их понятие, содержание и механизмы защиты в уголовном процессе, как и в теории права, остаются дискуссионными и недостаточно разработанными.

Основным объектом исследования определено лицо, подвергаемое уголовному преследованию, под которым предлагается понимать физическое лицо, в отношении которого осуществляются существенно ограничивающие его права действия и меры процессуального и оперативно-розыскного характера, направленные на установление и изобличение в совершении преступления. В рамках данного родового понятия выделяются следующие виды:

– заподозренный – физическое лицо, в отношении которого осуществляется уголовно-процессуальное и (или) оперативно-розыскное преследование по установлению его причастности к совершенному преступлению в связи с обоснованным предположением о совершении им преступления;

– подозреваемый – физическое лицо, наделенное статусом подозреваемого в соответствии со ст. 46 УПК РФ, в отношении которого осуществляется уголовно-процессуальное преследование по его установлению и изобличению в совершении преступления;

– обвиняемый – физическое лицо, в отношении которого собрано достаточно доказательств его виновности, наделенное статусом обвиняемого в соответствии со ст. 47 УПК РФ, в отношении которого продолжается уголовно-процессуальное преследование по изобличению (обличению) в совершенном преступлении [1, с. 112–127].

Анализ УПК РФ и закона об ОРД, выявляет системную несогласованность при использовании в законах категории «законные интересы».

В УПК РФ наблюдается дифференциация в определении правового статуса участников уголовного процесса. Так, ст. 47 УПК РФ гарантирует обвиняемому защиту «прав

и законных интересов», тогда как аналогичные нормы в отношении подозреваемого (ст. 46), потерпевшего (ст. 42), гражданского истца (ст. 44) и ответчика (ст. 54) упоминают лишь о «правах». В ч. 4 ст. 11 УПК РФ, закрепляющей принцип «охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве», говорится: «... вред, причиненный лицу в результате **нарушения его прав и свобод** (выделено мною – Ю.Ч.) судом, а также должностными лицами, осуществляющими уголовное преследование, подлежит возмещению». При этом законодатель в данном принципе ничего не говорит о нарушении законных интересов.

Такой подход лишен логического обоснования и создает правовой пробел.

По-разному в УПК РФ определяется данная категория при регламентации права на заявление ходатайств (ст. 119 УПК РФ) и права на обжалование (ст. 123 УПК РФ). Ходатайства могут заявлять лица, чьи «права и законные интересы» затронуты в ходе досудебного и судебного производства (ч. 1 ст. 119 УПК РФ). А вот обжаловать действия (бездействие) органов предварительного расследования, прокурора и суда могут только участники уголовного процесса и иные лица, «интересы» которых затрагиваются в ходе производства процессуальных действий.

Сочетание терминов «защита прав и интересов» употребляется применительно к защитнику, осуществляющему защиту прав и интересов подозреваемых и обвиняемых (ст. 49 УПК РФ).

При определении вопросов о привлечении к уголовному преследованию по заявлению коммерческой или иной организации используется терминология «вред интересам ...» (ст. 23 УПК РФ).

В законе об ОРД ситуация еще более противоречива. Правовой статус лица, подвергнутого оперативно-розыскному воздействию, прямо не определен. В нормах статей 3 и 5 закона об ОРД, предусматривающих, что данный вид деятельности осуществляется в соответствии с принципом **соблюдения прав и свобод человека и гражданина** (выделено мною – Ю.Ч.), в которых законодатель не закрепляет соблюдение такой категории, как «законные интересы».

В ч. 4 ст. 5 закона об ОРД упоминается о лице, которое подвергалось оперативно-розыскному преследованию, и говорится о том, что лицо, виновность которого в совершении преступления не доказана в установленном законом порядке и которое располагает фактами проведения в отношении его оперативно-розыскных мероприятий и полагает, **что при этом были нарушены его права** (выделено мною – Ю.Ч.), вправе истребовать от органа, осуществляющего ОРД, сведения о полученной о нем информации.

Согласно ч. 2 ст. 8 закона об ОРД, предусматривающей получение санкции суда на проведение ОРМ, оговаривается только ограничение **конституционных прав человека и гражданина** (выделено мною – Ю.Ч.).

Хотя в отдельных нормах законодатель все-таки определяет, что **конституционные права и свободы, законные интересы человека и гражданина** (выделено мною – Ю.Ч.) (ч. 3 ст. 10 закона об ОРД) не могут быть ограничены при заведении дела оперативного учета, а **при нарушении прав и законных интересов физических и юридических лиц** (выделено мною – Ю.Ч.) органом (должностным лицом), осуществляющим ОРД, вышестоящий орган, прокурор либо судья обязаны принять меры по их восстановлению и возмещению причиненного вреда (ч. 9 ст. 5 закона об ОРД).

Особого внимания заслуживает употребляемая в ч. 4 ст. 16 закона об ОРД категория «правоохраняемые интересы», допускающая вынужденное причинение им вреда: «При защите жизни и здоровья граждан, **их конституционных прав и законных интересов** (выделено мною – Ю.Ч.), а также для обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств, допускается **вынужденное причинение вреда правоохраняемым интересам** (выделено мною – Ю.Ч.) должностным лицом органа, осуществляющего ОРД,

либо лицом, оказывающим ему содействие, совершаемое при правомерном выполнении указанным лицом своего служебного или общественного долга». Правоохраняемые интересы – очень широкая категория, которая в себя включает и публичные и частные интересы. Вместе с тем закон об ОРД не предусматривает критериев причинения вреда указанным интересам.

В. Ф. Луговик и С. М. Лугович полагают, что законодатель подчеркивает специфичность ОРД, исключительность полномочий оперуполномоченного, вероятность возникновения сложных и нетипичных ситуаций, когда он, исполняя профессиональный долг, вынужден действовать с учетом дефицита времени либо принимать неординарные решения, и в связи с этим его правомерными действиями может быть вынужденно причинен вред охраняемым интересам [2, с. 15].

Н. Н. Лесовая, причинение вреда правоохраняемым интересам объясняет возможностью возникновения непредвиденных обстоятельств, труднопрогнозируемых ситуаций, особенно это связано с поведением заподозренных в совершении преступления лиц. В таком положении, по ее мнению, право оперативного сотрудника на оправданный риск есть не что иное, как право на причинение вреда при реализации правомерных и логически необходимых действий по выявлению и изобличению преступников в случае наступления непредвиденных обстоятельств. Здесь принципиально важны обстоятельства, наличие которых обуславливает оправданность риска, а также пределы правовой защиты от наступления уголовной ответственности за причиненный вред правоохраняемым интересам [3, с. 134; 4, с. 77].

С такой широкой трактовкой согласиться сложно, поскольку в законодательстве четко определены случаи, когда лицо может быть освобождено от уголовной ответственности (необходимая оборона, крайняя необходимость, причинение вреда при задержании и выполнение приказа).

Попытаемся разобрать данное положение на следующих примерах. Первая ситуация. В результате проводимых оперативно-розыскных мероприятий «оперативный эксперимент» и «проверочная закупка» осуществляется силовое задержание заподозренных лиц, не оказывающих сопротивление, но в результате которого им намеренно причиняется вред здоровью разной тяжести.

Вторая ситуация. Если в результате оперативно-розыскного и дальнейшего уголовного преследования будет изобличено лицо в совершении преступления, например, директор предприятия, но деятельность самого предприятия в результате осуществления уголовного преследования руководителя будет парализована, приведет к банкротству, не будут выполнены госзаказы, сорваны договорные обязательства и сделки, работникам предприятия не будет выплачена заработная плата. В результате уголовного преследования будет причинен вред государственным, публичным и частным интересам.

Можно ли такой вред, причиненный в приведенных случаях, рассматривать как обособленный? Думается, что нет. Поскольку вред правоохраняемым интересам отдельной личности, общества и государства будет причинен не соразмерный (не пропорциональный), той полезной деятельности, которая осуществляется органами уголовного преследования по раскрытию и расследованию преступлений.

Выявленная терминологическая неопределенность категории «правоохраняемые интересы» в ч. 4 ст. 16 закона об ОРД требует не просто констатации, а выработки доктринального механизма, позволяющего отличить правомерное вынужденное причинение вреда от злоупотребления или должностного преступления. Автор считает возможным использовать специально разработанную им для этих целей конституционно обоснованную иерархию правоохраняемых интересов и принцип соразмерности (пропорциональности) как ключевой критерий правомерности. Основываясь на положениях Конституции РФ (ст. 2, ч. 3 ст. 55), представляется возможным выстроить следующую иерархическую структуру благ, которые государство берет под охрану.

Первый уровень (абсолютный приоритет) – жизнь и здоровье человека, достоинство личности. Основой выступают нормы статей 20, 21 Конституции РФ. Этот уровень обладает безусловным приоритетом и не может быть ограничен ни при каких обстоятельствах, за исключением случаев, прямо предусмотренных законом (необходимая оборона, крайняя необходимость).

Второй уровень (высший приоритет) – конституционные права и свободы граждан. Неприкосновенность жилища, тайна переписки, частная жизнь и т.д., предусмотренные нормами ст. ст. 22–25 Конституции РФ. Эти права имеют преимущество перед публичными интересами и могут быть ограничены только федеральным законом в конституционно значимых целях и при условии соразмерности.

Третий уровень – публичные интересы общества. Общественная безопасность, общественный порядок, нравственность, здоровье населения (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ).

Четвертый уровень – интересы государства (оборона, безопасность государства, защита конституционного строя – ст. 55, ст. 71 Конституции РФ).

Пятый уровень – законные интересы физических и юридических лиц. Имущественные интересы, деловая репутация, интересы предпринимательской деятельности – ст. 34, ст. 35 Конституции РФ. Это именно та категория, которая является предметом нашего анализа применительно к уголовно преследуемому лицу.

Таким образом, «правоохраняемые интересы» – это интегративная категория, охватывающая все пять уровней. «Законные интересы» отдельного лица являются составной частью (подмножеством) этой системы и занимают в ней низшее (пятое) положение, что, однако, не умаляет их защищенности, но определяет логику их возможного ограничения при коллизии с вышестоящими благами.

Исходя из предложенной иерархии, правомерность вынужденного причинения вреда по ч. 4 ст. 16 закона об ОРД должна оцениваться через призму принципа соразмерности (пропорциональности). Этот принцип предполагает соблюдение трех условий.

1. Ценностное превосходство. Защищаемый интерес должен относиться к более высокому уровню иерархии, чем тот, которому причиняется вред, либо находиться с ним на одном уровне при невозможности достичь цели иным способом.

2. Минимизация ущерба. Сотрудник оперативно-розыскных органов (ОРО), обязан выбирать те средства и методы, которые причиняют наименьший вред из всех возможных в сложившейся обстановке.

3. Недопустимость диспропорции. Объем причиненного вреда не должен явно превышать объем предотвращенного вреда.

Предложенная модель позволяет дать четкую правовую оценку примерам, приведенным в статье.

Ситуация с силовым задержанием не оказывающего сопротивления лица. Вред здоровью (уровень 1) причиняется для защиты интересов государства (уровень 4) или публичных интересов (уровень 3). Согласно принципу соразмерности, такое соотношение недопустимо. Никакой государственный или публичный интерес не оправдывает намеренного причинения вреда здоровью лица, не оказывающего сопротивления (за исключением случаев необходимой обороны или крайней необходимости, которых в описанной ситуации нет). Действия сотрудников ОРО должны квалифицироваться не как вынужденное причинение вреда, а как превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ).

Ситуация с банкротством предприятия из-за уголовного преследования директора. Здесь коллизия возникает между интересом государства в изобличении преступника (уровень 4) и законными интересами третьих лиц (работников, контрагентов) и самого предприятия (уровень 5). Такая коллизия (4 vs 5) в принципе допустима (вышестоящий интерес может оправдывать ограничение нижестоящего). Однако она требует проверки на соразмер-

ность. Если уголовное преследование ведется законно, а банкротство является его отдаленным и косвенным следствием, состав преступления в действиях следователя отсутствует. Но если применяются заведомо несоразмерные меры процессуального принуждения (например, арест всего имущества при возможности залога, или необоснованное заключение под стражу руководителя уникального производства), целью которых является не правосудие, а паралич предприятия, то такие действия нарушают принцип соразмерности и могут быть признаны незаконными.

Особый случай – конституционная обязанность государства по обеспечению безопасности и угроза терроризма.

Предложенная иерархия правоохраняемых интересов требует дополнительного осмысления в контексте реализации конституционной обязанности государства по обеспечению безопасности личности, общества и государства (ст. ст. 2, 55, 71 Конституции РФ). Наиболее остро эта проблема проявляется при пресечении террористических угроз, где коллизия между защищаемыми и повреждаемыми интересами достигает максимального накала.

Обязанность государства обеспечивать безопасность не может рассматриваться как интерес четвертого уровня в чистом виде. Это конституционный императив, легитимирующий применение специальных, в том числе экстраординарных, мер. В контексте борьбы с терроризмом безопасность государства и общества выступает не как самодовлеющая ценность, а как необходимое условие (средство) для защиты жизни и здоровья неопределенного круга лиц (I уровень).

Следовательно, при коллизии интересов в условиях террористической угрозы действуют следующие правила:

1. Приоритет защиты жизни. Абсолютной целью любых действий оперативных сотрудников и специальных служб является предотвращение гибели людей. Именно интерес I уровня оправдывает применение наиболее интенсивных мер, включая временное и соразмерное ограничение прав II уровня.

2. Легитимация ограничений. Ограничение конституционных прав граждан (II уровень) в ходе антитеррористических операций допустимо в силу прямого указания ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, но лишь в той мере, в какой это необходимо для защиты жизни и здоровья людей (I уровень) и основ конституционного строя (IV уровень).

3. Недопустимость «абсолютной безопасности». Даже угроза терроризма не может служить основанием для умаления достоинства личности, применения пыток или насилия (нарушение абсолютного запрета ст. 21 Конституции РФ). Государство, защищая жизнь, не вправе уподобляться террористам в методах. Кроме того, ограничения прав должны быть соразмерны реальной, а не мнимой угрозе. Данная система правил не подменяет собой уголовно-правовую оценку, но служит доктринальным и правоприменительным ориентиром, позволяющим оценить социальную оправданность и правомерность действий в конкретной оперативной обстановке, характеризующейся дефицитом времени и информации (до происходящего события).

Таким образом, борьба с терроризмом не отменяет предложенную иерархию, а лишь акцентирует её инструментальный характер. Высшей ценностью остается человек, его жизнь и достоинство, а безопасность государства выступает гарантом реализации этой ценности. Любое отступление от этого принципа ведет к девальвации конституционного правопорядка.

Проведенный анализ свидетельствует о необходимости нормативной конкретизации ч. 4 ст. 16 закона об ОРД. Представляется целесообразным дополнить ее положением, закрепляющим иерархию интересов и принцип соразмерности.

Предлагается следующая редакция части 4.1 статьи 16 (ввести новый пункт): «При оценке правомерности причинения вреда, предусмотренного частью третьей настоящей статьи, учитывается иерархия правоохраняемых интересов, основанная на конституционных

ценностях. Приоритетное значение имеют жизнь, здоровье и достоинство личности. Вынужденное причинение вреда признается правомерным, если оно является соразмерным, то есть:

1) защищаемый интерес по своей значимости не ниже интереса, которому причинен вред;

2) вред является минимально необходимым для достижения цели защиты в сложившейся обстановке;

3) предотвращенный вред не меньше вреда, причиненного. При коллизии равноценных интересов приоритет отдается интересам, непосредственно связанным с предотвращением реальной опасности, угрожающей неопределенному кругу лиц или основам конституционного строя».

Таким образом, предложенная иерархия и принцип соразмерности позволяют не только наполнить конкретным содержанием абстрактную категорию «правоохраняемые интересы», но и создают объективный масштаб для оценки действий должностных лиц.

Сравнительный анализ смежных областей регулирования (КоАП РФ, КАС РФ, Федеральный закон «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле») также подтверждает отсутствие единого подхода. Например, в КоАП РФ задачи законодательства включают защиту «законных экономических интересов» (ст. 1.2), однако статус лица, в отношении которого ведется производство, описывается только через «права» (ст. 25.1). В то же время административное и уголовное законодательство устанавливают ответственность за нарушение именно «прав и законных интересов» (например, ст. 285 УК РФ, ст. 5.6 КоАП РФ).

Совершенно иную картину можно наблюдать в федеральном законе «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации»¹ (далее – закон о ГКНиМК), где законодатель использует словосочетание «права и законные интересы» во всех случаях, когда речь идет об охране и защите юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. Ключевым является принцип, предусматривающий обязанность контрольно-надзорных органов при осуществлении государственного контроля (надзора), муниципального контроля, **охранять права и законные интересы** (здесь и далее текст выделен мною – Ю.Ч.), уважать достоинство личности, деловой репутации контролируемых лиц (ст. 10 закона о ГКНиМК). Хотя следует отметить, что категория «законные интересы» содержится только в названии статьи, а в диспозиции самой нормы рассматриваемого закона предусматривается обязанность контрольно-надзорных органов **признавать, соблюдать и защищать права и свободы контролируемых и иных лиц**, а категория «законные интересы» не употребляется.

Определяя статус контролируемого лица, законодатель оговаривает, что **защита прав и законных интересов контролируемого лица** может осуществляться лично или через представителя (ч. 5 ст. 31 закона о ГКНиМК).

Инспектор контрольно-надзорного органа обязан: соблюдать российское законодательство, **права и законные интересы контролируемых лиц** (п. 1 ч. 1 ст. 29 закона о ГКНиМК); ... **не допускать необоснованного ограничения прав и законных интересов контролируемых лиц**, неправомерного вреда (ущерб) их имуществу (п. 9 ч. 1 ст. 29 закона о ГКНиМК).

При отсутствии основания для проведения внепланового контрольно-надзорного мероприятия или несоблюдении порядка его проведения прокурором должны быть приняты меры **по защите прав и законных интересов контролируемых лиц** (п. 13 ст. 66 закона о ГКНиМК).

Действия и бездействия сотрудников, осуществляющих оперативно-розыскное преследование, могут быть обжалованы в порядке, предусмотренном кодексом административного

¹ Федеральный закон «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» от 31.07.2020 № 248-ФЗ (в ред. от 29.12.2025) // СПС КонсультантПлюс.

судопроизводства (КАС РФ). В этой связи имеется необходимость рассмотрения правового статуса лица, подвергнувшегося оперативно-розыскному преследованию, и обжаловавшему законность и обоснованность действий (бездействия) должностных лиц указанных органов.

Прежде всего КАС РФ регулирует порядок осуществления административного судопроизводства при рассмотрении и разрешении Верховным Судом и судами общей юрисдикции РФ административных дел о защите нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций (ч. 1 ст.1 КАС РФ).

Согласно ч. 1 ст. 4 КАС РФ предусматривается, что каждому **заинтересованному лицу** гарантируется право на обращение в суд с административным иском **за защитой нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов**, в том числе в случае, если, по мнению этого лица, созданы препятствия к осуществлению **его прав, свобод и реализации законных интересов**.

Преимущество нормативных положений КАС РФ перед рассмотренными законодательными актами (УПК РФ, КоАП РФ, законом об ОРД) заключается в том, что законодатель закрепил понятие сторон – административного истца и ответчика (ст. 38 КАС РФ), а также определил круг лиц, которые могут выступать **в защиту прав, свобод и законных интересов граждан**. В качестве таковых могут выступать: прокурор (ст. 39 КАС РФ); Центральный банк РФ; Уполномоченный по правам человека в РФ; уполномоченный по правам человека в субъекте РФ; органы местного самоуправления; Уполномоченный при Президенте РФ по правам ребенка; уполномоченный по правам ребенка в субъекте РФ (ст. 40 КАС РФ), а также иные лица.

В приведенных нормах законов (УПК РФ, закона об ОРД, КоАП РФ, КАС РФ, закона о ГКНиМК) при употреблении категории «права» и «законные интересы» законодателем используется соединительный союз «и». В результате по смыслу норм получается, что меры по защите личности применяются при нарушении как прав, так и законных интересов в совокупности.

Таким образом законодательная техника при использовании правовых категорий «права» и «интересы» в правовом статусе лиц, используемая в УПК РФ, в законе об ОРД, КоАП РФ и в законе о ГКНиМК значительно отличается и не носит системного характера. Достоинством закона о ГКНиМН, где законодатель системно и последовательно использует словосочетание «права и законные интересы» во всех случаях, когда речь идет об охране и защите юридических лиц и индивидуальных предпринимателей.

Вместе с тем, содержание диспозиций норм ряда должностных преступлений, предусмотренных ст. ст. 285, 286, 288 и 293 УК РФ, свидетельствует о том, что уголовный закон обозначает общественно опасные последствия, которые могут наступить **за существенные нарушения прав и законных интересов граждан или участников, подвергаемых уголовному преследованию оперативно-розыскными органами и органами предварительного расследования** (выделено мною – Ю.Ч.).

Аналогичным образом регулируется ответственность и в нормах КоАП РФ за совершение правонарушения, где в названии статьи, либо в диспозиции нормы предусматривается нарушение «прав и законных интересов»: за дискриминацию (ст. 5.6 КоАП РФ); за нарушение требований законодательства о защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности (ст. 14.57 КоАП РФ); за совершение народным дружинником или внештатным сотрудником полиции действий, нарушающих права и законные интересы граждан или организаций (ст. 19.36 КоАП); за нарушение правил несения службы лицом, входящим в состав войскового наряда по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, если это деяние причинило вред правам и законным интересам граждан (ст. 34.3 КоАП РФ).

Практика высших судебных органов признания ненормативного акта недействующим также исходит из наличия одновременно двух условий: 1) несоответствие его закону

или иному правовому акту и 2) нарушение «прав и охраняемых законом интересов» гражданина или юридического лица¹. Как видим, во втором условии выделяют нарушение прав и законных интересов личности.

Обнаруженные диспропорции не являются технической погрешностью, а свидетельствуют об отсутствии единой законодательной концепции, принижающей значение законных интересов как автономного объекта правовой охраны, особенно на досудебных этапах уголовного преследования.

Теоретические основы

В теории права и уголовного судопроизводства среди ученых нет единства мнения, по поводу того, что понимать под «законными интересами». Вместе с тем, авторы, отстаивающие позицию важности законных интересов, едины во мнении, что законные интересы обладают большим, но во многом не раскрытым регулятивным и правозащитным потенциалом [5, с. 172], уверены в том, что современная российская правовая доктрина остро нуждается в целостной концепции законных интересов, которая позволит существенно не только обогатить теорию права, но и сформировать практику удовлетворения правомерных стремлений различных субъектов [6, с. 98].

В юридической науке сформировались три основных подхода к пониманию категории «законные интересы».

Первый подход – интерес как предпосылка или цель права. В рамках данного подхода законный интерес трактуется как: поощряемые (поддерживаемые) законом устремления к достижению определенной цели [7, с. 14]; цель для его достижения [8, с. 21; 9, с. 35; 10, с. 21]; феномен, предшествующий субъективному праву и обязанности [11, с. 32]; «неполноценное», «усеченное» право [12, с. 132]. При таком взгляде законные интересы представляются своего рода «эмбриональным состоянием» субъективных прав, ожидающих позитивного закрепления в законодательстве [13, с. 31].

Второй подход – интерес как побудительное начало (мотив). Странники этой позиции рассматривают законный интерес в качестве осознанного побуждения к действию (бездействию), порождаемого потребностью в достижении социального блага и выступающего движущей силой правовой активности субъекта [14, с. 52; 15, с. 34; 16 с. 105].

Третий подход заключается в том, что «законный интерес» – это фиктивная категория в системе права. «Под брендом «законных интересов» рассматриваются интересы, к которым право относится безразлично, нейтрально» [17, с. 12]. Критики, апеллируя, в частности, к идеям Л.И. Петражицкого, оценивают понятие «интерес» как метафору, лишённую точного научного содержания и относящуюся к области эмоциональных переживаний [18, с. 249–250].

Скептическая оценка законных интересов как несуществующей категории представляется неубедительной ввиду ее укорененности в правовой традиции, начиная с XIX века, а также широкого использования в конституционном и отраслевом законодательстве Российской Федерации.

Термин «интерес» происходит от латинского «interest» и означает – «иметь значение», «важно» [19, с. 240]. В словарях русского языка термин «интерес» понимается в нескольких значениях: «внимание, возбуждаемое кем или чем-нибудь значительным, привлекательным»; «важность, значительность, занимательность»; «нужды, потребности; выгода» [20, с. 204; 21, с. 211].

¹ Определение КС РФ от 28 января 2016 г. № 109-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Данышина Сергея Викторовича на нарушение его конституционных прав пунктом 3 части 1 статьи 128 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс; Пункт 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 № 2 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании решений, действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 4.

Законный интерес характеризуется отсутствием прямой конкретизации в нормативных актах (в отличие от субъективного права), что подтверждается анализом источников, за исключением отдельных документов, например, Доктрины информационной безопасности РФ (далее – Доктрина ИБ), предусматривающей, что **личностные интересы каждого индивида состоят в том, чтобы была возможность реализовать конституционные права и свободы** (выделено мною – Ю.Ч.), в повышении уровня и качества жизни, в обеспечении личной безопасности, в физическом, интеллектуальном и духовном развитии¹.

Вопросу законных интересов уделяется внимание и в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и превышении должностных полномочий», где под нарушением законных интересов граждан или организаций в результате злоупотребления или превышения должностными полномочиями предлагается понимать: «... **создание препятствий в удовлетворении гражданами или организациями своих потребностей, не противоречащих нормам права и общественной нравственности (например, создание должностным лицом препятствий, ограничивающих возможность выбрать в предусмотренных законом случаях по своему усмотрению организацию для сотрудничества)**» (выделено мною – Ю.Ч.). Исходя из данного положения постановления Пленума следует, что Верховный Суд РФ толкует категорию «законные интересы», как **возможности граждан или организаций удовлетворить свои потребности, которые не противоречат нормам права и общественной нравственности** (выделено мною – Ю.Ч.).

Результаты и обсуждение

На основании проведенного анализа, «законный интерес» может быть определен как охраняемая государством возможность физических и юридических лиц удовлетворять свои потребности в соответствии с предписаниями законодательства и общепринятыми нормами морали. Содержательная цель законных интересов уголовно преследуемого лица заключается в том, чтобы удовлетворять свои правомерные потребности и стремления, непосредственно связанные с его положением при проведении уголовного преследования. Законный интерес аккумулирует в себе как побудительное начало (мотив к защите), так и цель (стремление к справедливому разбирательству). Эти потребности уголовно преследуемого лица являются правомерными, то есть не противоречащими нормам права и общественной нравственности. Например, интерес в скорейшем окончании преследования путем обжалования правомерен, в то время как интерес в сокрытии уличающих доказательств (уничтожение вещественных доказательств, давление на свидетелей) нельзя рассматривать как законный, т.к. он противоречит нормам закона и морали.

В качестве основных направлений реализации законных интересов уголовно преследуемого лица представляется возможным выделить: процедурно-процессуальные и репутационно-восстановительные интересы.

Процедурно-процессуальные интересы направлены на: 1) на законное и обоснованное оперативно-розыскное преследование личности. Сюда входит интерес в законном и обоснованном преследовании при заведении дела оперативного учета, при проведении оперативно-розыскных мероприятий, при передаче результатов ОРД органам предварительного расследования и в суд, в недопустимости провокационно-подстрекательских методов при проведении оперативно-розыскных мероприятий; 2) законное и обоснованное уголовно-процессуальное преследование лица в качестве заподозренного, подозреваемого и обвиняемого; 3) обеспечение права на защиту и состязательности сторон (полное, объективное и всестороннее исследование доказательств); 4) правильное применение закона.

Репутационно-восстановительные интересы заключаются в минимизации негативных последствий от уголовного преследования. Это интересы в охране чести, достоинства,

¹ Доктрина информационной безопасности Российской Федерации. Утверждена Президентом РФ 09.09.2000 № Пр-1895 // СЗ РФ. 12.12.2016. № 50. Ст. 7074.

деловой репутации, в возмещении вреда от незаконных действий сотрудников правоохранительных органов, в восстановлении доброго имени в случае реабилитации.

Законные интересы уголовно преследуемого лица действуют на всех этапах уголовного преследования (на этапе выявления и установления лица, совершившего преступление, в связи с обоснованным на то предположением; на этапе установления причастности подозреваемого лица к совершению преступления; на этапе обличения обвиняемого лица в совершении им преступления, причастность к которому подтверждено достаточной совокупностью доказательств).

На основе предложенной классификации уголовно преследуемого лица (заподозренный, подозреваемый, обвиняемый) автором разработана динамическая модель эволюции его законных интересов в зависимости от этапов его уголовного преследования.

Этап выявления и установления лица, совершившего преступление, представляет собой начальный, часто профилактический этап ОРД, когда оперативный аппарат собирает и анализирует информацию для обнаружения признаков подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, при этом круг лиц может быть ещё не определён. Специфика данного этапа заключается в том, что заподозренное лицо чаще всего не идентифицировано оперативным аппаратом как конкретный подозреваемый. Интересы носят абстрактный, но фундаментальный характер и направлены на предотвращение произвольного и массового вторжения в частную жизнь.

Система законных интересов лица на этапе выявления преступления.

1. Интерес в обеспечении конституционного принципа неприкосновенности частной жизни (ст. 23 Конституции РФ) при проведении поисковых, «фоновых» мероприятий. Содержание законного интереса заключается в недопущении сбора информации «вслепую» или по неконкретным критериям (например, анализ всех транзакций в определённом районе) превращается в тотальную слежку за неограниченным кругом лиц без связи с конкретными признаками преступления.

Гарантией законного интереса является требование наличия повода и основания для начала ОРМ (ст. 7 закона об ОРД). Даже на этапе выявления работа должна начинаться с конкретных оперативных сигналов, а не произвольного производства ОРД.

2. Интерес в охране от необоснованного и дискриминационного включения в сферу оперативного внимания. Содержание интереса заключается в защите от того, чтобы основанием для сбора данных стали не признаки противоправного поведения, а, например, принадлежность к определённой социальной, национальной группе, политические взгляды или иные признаки, не имеющие криминогенной природы.

В качестве гарантий соблюдения рассматриваемого интереса является запрет ОРД для достижения целей, не указанных в ст. 2 закона об ОРД, и общие принципы уважения прав человека (ст. 5 закона об ОРД).

3. Интерес в обеспечении конфиденциальности информации, изначально не относящейся к целям ОРД. Например, если в ходе наблюдения за общественным местом случайно были получены сведения о частной жизни лиц, не причастных к криминальной среде, они не должны фиксироваться, храниться и использоваться. Гарантия соблюдения данного интереса выражается в обязанности должностных лиц оперативно-розыскных органов уничтожения такой информации (ч. 4 ст. 5 закона об ОРД).

4. Интерес в законности получения сведений и их процессуальной «конвертации» или уничтожении. Если на этапе выявления признаки преступления у конкретного лица не подтвердились, у него возникает законный интерес в том, чтобы собранные о нём материалы были уничтожены, а не оставались в оперативных учётах неопределённо долго. Если же признаки подтвердились, то интерес заключается в том, чтобы переход к этапу проверки и затем в уголовный процесс был оформлен с соблюдением всех норм, гарантирующих допустимость будущих доказательств. Гарантией соблюдения интереса являются

правила документирования (ст. 11 закона об ОРД) и положения УПК РФ о недопустимости доказательств, полученных с нарушением закона об ОРД (ст. 89 УПК РФ).

5. Интерес в пресечении провокации как метода выявления преступления. Данный интерес можно обозначить, как критически важный. Заподозренное лицо вправе ожидать, что сотрудник оперативно-розыскного органа на этапе выявления не будет создавать искусственные условия, побуждающие к совершению преступления там, где такая готовность отсутствовала. Это абсолютный запрет. Согласно ст. 5 закона об ОРД прямо запрещена провокация. Любые данные, добытые таким путём, не могут быть использованы в качестве доказательств.

6. Интерес в последующем судебном контроле за законностью действий на ранней стадии. Если лицо не знает о проводимых оперативно-розыскных мероприятиях, его интерес защищается возможностью последующей проверки законности этих действий, когда о них станет известно в рамках уголовного дела или через обращение в суд (с жалобой на нарушение прав, например, после утечки информации). Гарантими данного законного интереса являются нормы, предусматривающие право на обжалование (ч. 3 ст. 5 закона об ОРД), а также механизм исключения недопустимых доказательств в порядке ст. ст. 75, 89 УПК РФ).

Законные интересы лица на этапе выявления лица, совершившего преступление, в связи с обоснованным на то предположением, по сути – допроцессуальные гарантии, заложенные в закон об ОРД, которые создают правовое поле для будущего уголовного судопроизводства. Их нарушение на этой ранней, «невидимой» стадии фатально для легитимности всего последующего уголовного преследования, так как отравляет источник доказательств. С позиции уголовного процесса эти интересы являются объектом последующей судебной оценки на предмет соблюдения закона.

На этапе установления причастности заподозренного, подозреваемого лица к совершению преступления, законные интересы носят преимущественно охранительный характер, поскольку лицо лишено возможности их активно реализовывать из-за негласного характера ОРД, либо недостаточно регламентированных процедур гласных ОРМ.

На данном этапе можно выделить следующие интересы.

1. Интерес в наличии законного и обоснованного повода для проведения ОРМ. Содержание данного интереса заключается в стремлении к тому, чтобы сбор информации о нём был инициирован не произвольно, а при наличии конкретных оснований, перечисленных в ст. 7 закона об ОРД (например, данные о признаках подготавливаемого преступления).

Гарантими соблюдения законных интересов и конституционных прав личности на данном этапе являются: ведомственный внутренний контроль и прокурорский надзор за соблюдением законности при заведении дел оперативного учёта.

2. Интерес в соразмерности и избирательности применяемых негласных методов. Содержание интереса выражается в стремлении к тому, чтобы интенсивность вмешательства в частную жизнь (прослушивание, наблюдение) соответствовала тяжести предполагаемого деяния и достоверности исходной информации. Интерес в минимизации ущерба для прав третьих лиц (родственников, коллег).

Содержание интереса заключается в стремлении к тому, чтобы сведения, добытые оперативным путём (о личных отношениях, привычках, здоровье), не связанные с предметом проверки, не фиксировались, не хранились и не распространялись.

Автор поддерживает предложения о необходимости включения в текст закона об ОРД принципа соразмерности [22, с. 100–113], что повысит законность проводимых оперативно-розыскных мероприятий. В условиях развития цифровых технологий и расширения арсенала оперативно-технических мероприятий, с учетом предложенных автором критериев соразмерности, данный принцип становится главным правовым барьером против превращения ОРД в систему тотального наблюдения. Он требует особой тщательности при оценке необходимости и масштаба сбора цифровых данных. Внедрение принципа соразмерности

позволит повысить гарантии прав и законных интересов личности при принятии решения о проведении наиболее интрузивных ОРМ.

3. Интерес в сохранении конфиденциальности частной жизни, не относящейся к проверяемой информации.

4. Интерес в недопущении провокации преступления со стороны сотрудников оперативно-розыскных органов и их агентов. Содержание интереса заключается в том, лицо вправе рассчитывать, что оперуполномоченные или полицейские агенты не создадут искусственных условий для совершения им преступных действий, к которым у него не было изначальной готовности (умысла). Это прямо запрещено ч. 1 ст. 5 закона об ОРД. Гарантия соблюдения требований закона заключается в абсолютном запрете провокации, а доказательства, полученные таким путём, являются недопустимыми.

5. Интерес в надлежащем процессуальном «переходе» – законности передачи результатов ОРД в уголовный процесс. Содержание интереса заключается в том, чтобы материалы ОРД, на основе которых будет возбуждено уголовное дело и начато уголовное преследование, были получены без нарушений закона. Это ключевой интерес, связующий ОРД и уголовный процесс. Его нарушение делает доказательства недопустимыми. Гарантия данного интереса заключается в том, что суд и сторона защиты на стадии предварительного и судебного следствия вправе требовать проверки законности источников доказательств.

6. Интерес в объективной фиксации не только уличающих, но и оправдывающих или смягчающих обстоятельств. Содержание интереса сводится к стремлению к тому, чтобы в оперативных материалах были отражены все собранные данные, в том числе указывающие на непричастность или меньшую степень вины. Гарантия соблюдения интереса – обязанность сотрудника оперативно-розыскного органа представлять все собранные материалы (ч. 4 ст. 11 закона об ОРД).

7. Интерес в последующем судебном контроле за законностью проведённых ОРМ. Даже если уголовно преследуемое лицо не знало о мероприятиях, оно обладает интересом в возможности последующей проверки их законности через обжалование прокурору или суд действий сотрудников оперативно-розыскных органов (ст. 5 закона об ОРД) или через заявление ходатайств стороной защиты в рамках уголовного дела.

На этапе установления причастности заподозренного, подозреваемого к совершению преступления законные интересы лица существуют не как право на активные действия, а как совокупность охраняемых законом барьеров против произвола деятельности сотрудников правоохранительных органов. Их защита обеспечивается не самим лицом (которое не информировано), а системой законодательных сдержек и противовесов: судебным санкционированием, прокурорским надзором и, что наиболее важно, последующей процессуальной оценкой в рамках уголовного дела. Нарушение этих интересов на этапе проведения оперативно-розыскных мероприятий создаёт критические риски для всего последующего уголовного преследования, так как ставит под вопрос допустимость основных доказательств. Таким образом, законные интересы на этом этапе – это процессуальные гарантии в латентной форме.

Законные интересы уголовно преследуемого лица на этапе обличения обвиняемого в совершении преступления трансформируются из абстрактных охранительных барьеров (характерных для этапа ОРД) в конкретные, активные, процессуально оформленные стремления, реализуемые как лично, так и через защитника в условиях состязательности.

Основными интересами уголовно преследуемого лица, признанного подозреваемым, на этапе проверки его причастности к совершенному преступлению, или обвиняемым на этапе его обличения, являются интересы в сфере реализации права на защиту. Данное право может быть реализовано путем соблюдения интересов в конфиденциальном общении с защитником и в эффективной защите. Содержание интереса заключается в недопустимости любого вмешательства (включая негласные ОРМ) в отношения с защитником

(ст. 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности»), а также добросовестной и активной деятельности защитника (ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Интерес в своевременном и полном ознакомлении с материалами, лежащими в основе подозрения или обвинения. Уголовно преследуемое лицо стремится не просто формально получить доступ к делу, а понять логику стороны обвинения, включая косвенные улики, часто имеющие оперативно-розыскное происхождение. Сюда можно отнести и интерес в доступе к материалам, обосновывающим ходатайства стороны обвинения (о мере пресечения, проведения отдельных следственных действий).

Интересы в сфере процессуальных сроков и процедур. Интерес в разумном сроке предварительного расследования (ст. 6.1 УПК РФ). Стремление к тому, чтобы расследование не затягивалось без объективных причин, что усугубляет психологическое давление и ограничивает права.

По окончании предварительного расследования законный интерес уголовно преследуемого лица заключается в достаточном времени на ознакомление с материалами уголовного дела.

Отдельно следует выделить законный интерес в использовании институтов, способных оптимизировать уголовное преследование, путем заключения досудебного соглашения о сотрудничестве (гл. 40.1 УПК РФ) и прекращения уголовного преследования.

Подозреваемое, обвиняемое в совершении преступления лицо заинтересовано в доказывании виновности и установлении истины по уголовному делу. Прежде всего, это интерес в полноте, объективности и проверяемости доказательственной базы. Содержание интереса заключается в стремлении: в собирании и проверке следователем не только уличающих, но и оправдывающих, а также смягчающих ответственность доказательства; в детальной фиксации хода и результатов следственных действий; в проверке и возможной дезавуации результатов ОРД, если они получены с нарушением закона или интерпретированы предвзято; в истребовании оперативно-розыскных материалов.

Интерес в допустимости и достоверности доказательств, особенно полученных с использованием результатов ОРД, чтобы любые сведения, полученные негласным путём (прослушивание, оперативное внедрение, снятие информации с технических каналов связи и пр.), были легализованы в процессе строго по правилам ст. 89 УПК РФ. Нарушение закона об ОРД при их получении должно влечь признание доказательств недопустимыми (ст. 75 УПК РФ).

Интерес в активном участии в формировании доказательственной базы защиты, проявляется в стремлении уголовно преследуемого лица к реализации права представлять доказательства, заявлять ходатайства о допросе свидетелей, назначении экспертиз (в том числе повторных или дополнительных), истребовании документов. Это интерес в процессуальном паритете со стороной обвинения.

Отдельный блок интересов можно выделить в сфере применения мер процессуального принуждения.

Интерес в обоснованности, соразмерности и мотивированности любого ограничения прав. Содержание данного интереса заключается в стремлении к тому, чтобы избрание меры пресечения (особенно заключения под стражу), обыск, наложение ареста на имущество были необходимыми и достаточными, основанными на конкретных, проверяемых данных, а не на оперативной информации «в чистом виде».

Интерес в получении полноценной копии постановления о производстве мер принудительного характера.

Интерес в изменении или отмене мер принуждения, пресечения если отпали основания. Содержание интереса заключается в активных действиях по доказыванию изменения обстоятельств (возмещение ущерба, положительные характеристики, состояние здоровья) для перехода к более мягкой мере.

На этапе обличения обвиняемого лица в совершении им преступления, его законные интересы становятся главным механизмом реализации принципа состязательности. Они трансформируются из абстрактных охранительных барьеров (характерных для этапа ОРД) в конкретные, активные, процессуально оформленные стремления, реализуемые как лично, так и через защитника в условиях состязательности.

Уголовный процесс на данном этапе выполняет функцию легитимации и санации тех данных, которые были получены в ходе негласной деятельности на этапах выявления и установления лица, совершившего преступление.

Законные интересы уголовно преследуемого лица – это фильтр и детектор, который заставляет сторону обвинения действовать в строгих процессуальных рамках, обеспечивая публичность, проверяемость и, в конечном счёте, справедливость правосудия. Нарушение этих интересов ведёт не только к отмене отдельных решений, но и к дискредитации всей деятельности уголовного преследования.

Необходимо уделить внимание и вопросу о соотношении законных интересов и субъективных прав, который является дискуссионным.

Одни авторы рассматривают законный интерес как элемент содержания субъективного права [23, с. 249–250; 24, с. 50; 25, с. 92–97; 26, с. 25]. Так, А. В. Малько считает, что законный интерес (охраняемый законом интерес) – это правовая дозволенность, которая не обеспечена конкретной юридической обязанностью, то есть своего рода «усеченное» объективное право [27, с. 68]. Законный интерес признается «своеобразным усеченным правом», «усеченной возможностью» и В. В. Субочевым [28, с. 19].

Н. В. Витрук, напротив, высказывает мнение, что охраняемые законом интересы не опосредованы субъективными правами, имеют самостоятельное значение и могут существовать наряду с субъективным правом. Отечественное законодательство не закрепляет субъективное право на неиспользование права или свободы, поэтому закон говорит не только о правах и свободах личности, но и о правах и законных интересах. В обоснование своей позиции Н. В. Витрук приводит пример, который уместно рассмотреть в качестве дискуссионного по данному вопросу. Так, обвиняемый по уголовному делу имеет право давать показания по существу дела. В своих интересах обвиняемый использует это право, т.е. дает показания. Но он может и не воспользоваться этим правом, не реализовать его, отказываясь давать показания по существу дела. Принуждать обвиняемое лицо к реализации его права – к даче показаний – нельзя, поскольку это будет нарушением его законного интереса. Таким образом законный интерес обвиняемого не всегда заключается в реализации права. Если обвиняемого (подсудимого) начнут принуждать давать показания, то он будет обращаться за защитой своего законного интереса, а не права давать показания. В результате Н. В. Витруком делается вывод, что интерес, который заключается в неиспользовании конкретного права либо свободы, относится к разряду интересов, охраняемых государством наряду с правами и свободами личности [29, с. 157].

Представляется, что позиция Н. В. Витрука основана на расширительном толковании категории «интерес», тогда как с точки зрения юридической техники интерес в отказе от дачи показаний является неотъемлемым элементом содержания самого субъективного права, а не отдельным, параллельным ему феноменом. Поскольку право обвиняемого давать показания, по своему содержанию подразумевает и право обвиняемого лица отказаться от дачи показаний полностью или частично. И получается, что законный интерес обвиняемого, заключающийся в отказе от дачи показаний, может являться и составной частью права обвиняемого на дачу показаний. В том числе из содержания прав обвиняемого на защиту и на дачу показаний, вытекает его законный интерес давать ложные показания, чтобы избежать уголовной ответственности. Поскольку на обвиняемого (подозреваемого) не распространяются требования, предусмотренные ст. 307 УК РФ. В случае, если к обвиняемому (подозреваемому) будут применены недозволенные методы ведения допросов

(пытка, принуждение, обман) для получения его признательных показаний, то он вынужден будет обратиться за защитой своего законного интереса, заключающегося в том, что к нему не могут применять подобные способы принуждения, а полученные таким образом показания должны быть признаны не допустимыми доказательствами.

Анализ примера с правом обвиняемого (подозреваемого) давать показания демонстрирует, что интерес в отказе от дачи показаний или в защите от принуждения к ним имманентно присущ самому субъективному праву и реализуется через соответствующие процессуальные механизмы. Нарушение законного интереса, как правило, сопряжено с нарушением или угрозой нарушения корреспондирующего субъективного права. В этой связи представляется правильным, что обладатель (носитель) соответствующего интереса вправе руководствоваться им в своем процессуальном поведении в силу поощрения (стимулирования) законом этого стремления путем установления и наделения обладателя этих интересов совокупностью субъективных прав и обязанностей. Если не нарушается или не ограничивается субъективное право личности, если не причиняется материальный и моральный вред лицу и его имуществу, то по отношению к данному субъекту нельзя говорить о нарушении его законного интереса.

Таким образом, нарушение законного интереса обвиняемого сопряжено с нарушением его права на дачу показаний. Отстаивание своего законного интереса обвиняемым происходит путем реализации его прав (право на обжалование, на подачу заявлений, на представление доказательств), путем подачи обвиняемым жалоб и заявлений в контрольно-надзорные органы о совершенном в отношении него противоправных действий сотрудниками правоохранительных органов и предоставлении доказательств соответствующих фактов.

В этой связи представляется правильным, что обладатель (носитель) соответствующего интереса вправе руководствоваться им в своем процессуальном поведении в силу поощрения (стимулирования) законом этого стремления путем установления и наделения обладателя этих интересов совокупностью субъективных прав и обязанностей. Если не нарушается или не ограничивается субъективное право личности, если не причиняется материальный и моральный вред лицу и его имуществу, то по отношению к данному субъекту нельзя говорить о нарушении его законного интереса.

Ряд ученых придерживаются дихотомического подхода, разделяют интересы, опосредованные субъективным правом, и интересы, охраняемые законом самостоятельно.

А. Р. Султанов выделяет нарушение прав и нарушение законных интересов и считает, что наличие нарушенного законного интереса достаточно для того, чтобы заинтересованное лицо могло подать жалобу в апелляционную инстанцию об оспаривании нормативных актов в порядке, предусмотренном кодексом административного судопроизводства РФ [30, с. 73–79].

М. А. Козлов рассматривает понятие «законный интерес» как составную часть, регулируемую субъективным правом, так и как самостоятельную категорию, которая не регулируется субъективным правом [31, с. 73].

Представляется дискуссионным тезис о полной автономии законного интереса от субъективного права. Следует согласиться с мнением ученых (А. В. Малько, В. В. Субочев), которые сущностным признаком законного интереса считают возможности личности, которые охраняются государством, но не обеспечиваются конкретной процессуальной обязанностью должностных лиц по ее соблюдению. Это отличает законный интерес от субъективного права (например, права знать, в чем лицо подозревается или обвиняется (ст. 46, ст. 47 УПК РФ)). Право всегда корреспондирует с чьей-то обязанностью его обеспечить. Законный интерес лишь охраняется общим запретом на его нарушение. Но для реализации законного интереса у государства нет заранее установленной позитивной обязанности.

Ф. Н. Багаутдинов справедливо отмечает, что неотъемлемой составляющей частью категории «законный интерес», является его защита [26, с. 30], т.е. способ, с помощью которого обладатель законного интереса может его отстоять.

По мнению А. В. Малько и В. В. Субочева, законные интересы обладают доказательственной формой, которую должен в своей деятельности реализовать субъект, отстаивающий свои законные интересы, двумя способами. Первый способ заключается в обосновании того, что субъектом на основании закона выдвигаются правомерные требования (просьбы). Второй способ сводится к тому, чтобы найти и выработать метод защиты для обращения в компетентные органы для того, чтобы выдвинутое им притязание (дозволение) значимости имеющегося интереса было удовлетворено [6, с. 84–90, 94, 98].

С. А. Ядрихинским акцентируется внимание на том, что отличие между понятиями «законный интерес» и «субъективные права» налогоплательщика, состоят не в наборе правомочий, а в приводном механизме реализации. Притязания выражаются в субъективных правах, которые наделены эксплицитным признаком, а законный интерес вариативен и стохастичен. Корреспондирующая законному интересу обязанность в должных действиях имплицитна. Она не формализована под каждый случай (*ad hoc*), что делает ее нетипичной, а потому затруднительной к восприятию, но главное – она предполагается, а не исключается. В противном случае законные интересы могут оказаться фантомом [5, с. 169–187].

Таким образом, носитель законного интереса для его защиты обладает правом требования, а на противоположную сторону возлагается обязанность рассмотрения данного права.

Защита законного интереса, так же, как и государственная защита прав и свобод человека и гражданина предполагает не только право лица обратиться в суд, иной юрисдикционный орган, но и возможность эффективно пользоваться теми полномочиями участника (стороны) разбирательства, которые дает ему процессуальное законодательство¹.

Законодательство в сфере уголовного преследования, предусматривает возможности охраны и защиты прав и законных интересов личности в форме досудебного производства. Например, в УПК РФ закреплены институты, предусматривающие порядки заявления и рассмотрения ходатайств и жалоб руководителями, органами, осуществляющими предварительное расследование и жалоб надзирающим прокурорам (ст. ст. 123, 124 УПК РФ).

Охрана законных интересов выражается также в надзорной деятельности органов прокуратуры за исполнением законодательства оперативно-розыскными органами и органами предварительного расследования

Категория «законные интересы» личности является многогранной и представляет собой охраняемые и защищаемые законом возможности личности, в удовлетворении своих материальных и духовных потребностей, которые вытекают из содержания закона (его духа) и не противоречат нормам права и морали. Законные интересы личности, подвергаемой уголовному преследованию, детерминированы потребностями охраны и защиты личности, общества и государства. Охрана и защита личности, так же, как и общества и государства выражают систему потребностей, определяющую деятельность правоохранительных органов в раскрытии и расследовании преступлений.

Представляется возможным выделить ряд отличий законного интереса от субъективного права.

Во-первых. Законный интерес в отличие от субъективных прав личности не конкретизирован и не имеет четкого нормативного закрепления.

Во-вторых. Право всегда имеет четкого адресата, который корреспондирует обязанности по его исполнению (суд, следователь), а законный интерес защищается через общий запрет его нарушения и обеспечивается комплексом различных правовых средств (право на обжалование, право на защиту, право на реабилитацию). Законный интерес наполняет права смыслом (например, право на защиту служит реализации интереса в справедливом разбирательстве).

¹ Постановления Конституционного Суда РФ: от 23 февраля 1999 года № 4-П, от 23 января 2007 года № 1-П, от 21 января 2019 года № 6-П, от 20 января 2021 года № 2-П.

В-третьих. Право может быть реализовано, а законный интерес нуждается в оценке его законности. Т.е. заинтересованное лицо должно обратиться в суд или в правоохранительный орган и доказать, что законный интерес нарушен.

Заключение

На основе проведенного комплексного теоретико-правового и сравнительно-законодательного исследования, сформулированы и обоснованы следующие научные выводы.

1. Действующее уголовно-процессуальное и оперативно-розыскное законодательство содержит системную терминологическую несогласованность и концептуальную недооценку категории «законные интересы». Это проявляется в дифференцированном и фрагментарном использовании данной конструкции в УПК РФ, её подчинённом положении относительно «прав и свобод» в базовых принципах закона об ОРД, а также в использовании в ст. 16 закона об ОРД доктринально неопределённого и потенциально произвольного понятия «правоохраняемые интересы». Данные законодательные дефекты не являются техническими, а свидетельствуют об отсутствии целостной правозащитной концепции, создавая «зону уязвимости» для личности на досудебных стадиях

2. Предложена пятиуровневая модель иерархии правоохраняемых интересов и сформулированы критерии принципа соразмерности, которые позволяют конкретизировать абстрактное понятие «правоохраняемые интересы», создают объективные и проверяемые критерии для оценки действий сотрудников оперативно-розыскных органов и следователей. Это напрямую служит цели защиты законных интересов уголовно преследуемого лица, поскольку любое несоразмерное вторжение в его правовой статус (особенно на первых, негласных этапах) может и должно быть квалифицировано как нарушение, влекущее судебную защиту и, в необходимых случаях, исключение полученных доказательств.

3. Обоснована система конкретных мер по преодолению выявленных коллизий, образующая концепцию законодательной унификации и усиления судебной защиты.

В УПК РФ необходимо закрепить единообразную формулу защиты «прав и законных интересов» для всех участников, чьё положение ущемляется преследованием (подозреваемый, потерпевший и др.), и распространить действие нормы о возмещении вреда (ч. 4 ст. 11 УПК РФ) на случаи нарушения законных интересов.

В законе об ОРД требуется инкорпорировать категорию «законные интересы» в базовые принципы (ст. 3, 5) и нормы о судебном санкционировании (ст. 8).

4. Законный интерес уголовно преследуемого лица представляет собой самостоятельную, динамичную правовую категорию, отличную от субъективного права. Её сущность заключается в охраняемой государством правомерной потребности (возможности) лица в достижении социального блага (законного, обоснованного, соразмерного и справедливого уголовного преследования), которая вытекает из духа закона и норм морали, поощряется правопорядком, но не обеспечена конкретной юридической обязанностью другого субъекта. В отличие от субъективного права, защита законного интереса требует от его носителя инициативы по доказыванию правомерности притязания в рамках соответствующих процедур.

В правоприменительной практике: необходимо последовательно признавать нарушение законного интереса самостоятельным основанием для судебного обжалования и восстановления правового статуса лица, что соответствует конституционно-правовому смыслу высшей ценности прав и свобод человека.

5. Разработана динамическая модель эволюции системы законных интересов уголовно преследуемого лица, детерминированная этапами уголовного преследования и меняющимся процессуальным статусом лица (заподозренный → подозреваемый → обвиняемый). Законные интересы трансформируются: от абстрактных, охранительных и пассивно-гарантированных барьеров против произвола на негласном этапе выявления и установления лица, совершившего преступление, к конкретным процессуальным средствам активной защиты на этапах установления причастности подозреваемого лица к совершению

преступления и обличения обвиняемого лица в совершении преступления. Эта модель раскрывает содержание законных интересов как сквозного гарантирующего механизма, обеспечивающего легитимность всего доказательственного массива.

Реализация выводов будет способствовать системному совершенствованию законодательства, повышению уровня судебного контроля на досудебных стадиях и укреплению гарантий личности в рамках построения правового государства.

Список источников

1. Чупилкин Ю. Б. Уголовно преследуемое лицо: понятие, виды, правовой статус // Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 4. С. 112–127. EDN: WCITLW.
2. Луговик В. Ф., Лугович С. М. Правовой статус оперуполномоченного при проведении оперативно-розыскных мероприятий. М.: ИНФРА-М, 2018. 156 с. https://doi.org/10.12737/monography_5a210698cef517.60525590. ISBN: 978-5-16-013526-7. EDN: YJHBR.
3. Лесовая Н. Н. Система правовых гарантий социальной защиты оперативного состава уголовно-исполнительной системы // Человек: преступление и наказание. 2017. Т. 25. № 1. С. 131–136. EDN: YKTRVD.
4. Горяинов К. К., Епифанов С. С., Журавлев А. Н. [и др.]. Об оперативно-розыскной деятельности: научно-практический комментарий к Федеральному закону от 12 августа 1995 г № 144-ФЗ (постатейный): задачи оперативно-розыскной деятельности, оперативно-розыскные мероприятия, правовая защита должностных лиц, социальная и правовая защита граждан, прокурорский надзор, ведомственный контроль. М.: Проспект, 2021. 128 с. ISBN 978-5-392-33574-9.
5. Ядрихинский С. А. О соотношении законного интереса и субъективного права налогоплательщика: структурные особенности // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 1. С. 170–188. <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2020.1.169.187>. EDN: IXVNOQ.
6. Малько А. В., Субочев В. В. Законные интересы в правовой жизни общества: актуальные вопросы теории и практики // Правоведение. 2014. № 2 (313). С. 84–98. EDN: TIWTGZ.
7. Гладышева О. В. Теоретическая модель механизмов обеспечения прав и законных интересов человека и гражданина в уголовном судопроизводстве: дис.... д-ра юрид. наук: 12.00.09. М., 2013. 478 с. EDN: SUYELH.
8. Ем В. С. Категория обязанности в советском гражданском праве : Вопросы теории : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.03. М., 1981. 209 с.
9. Братусь С. Н. Субъекты гражданского права. М.: Госюриздат, 1950. 376 с. EDN: RFXYAZ.
10. Чечот Д. М. Субъективное право и формы его защиты. Ленинград: Изд-во Ленинградского ун-та, 1968. 72 с.
11. Власова А. В. Структура субъективного гражданского права: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. Ярославль, 1998. 150 с.
12. Подвижник Права: Памяти Нагашбая Шайкенова. В 2-х т. Изд. 2-е, перераб. и доп. Том 2 / Авт.-сост.: Л. А. Шайкенова; Подготовка текстов: И. В. Синельников. Астана: Фолиант, 2002. 400 с.
13. Шадрин В. С. Обеспечение прав личности при расследовании преступлений. М.: Юрлитинформ, 2000. 232 с. ISBN: 5-93295-015-3. EDN: RHTJJK.
14. Куцова Э. Ф. Гарантии прав личности в советском уголовном процессе. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. 114 с.
15. Масленникова Л. Н. Методология познания публичного и частного (диспозитивного) начал в уголовном судопроизводстве. М.: Академия управления МВД России, 2000. 180 с. EDN: ZUSJBL.
16. Деришев Ю. В., Овчинников Ю. Г. Теоретические основы уголовно-процессуальных гарантий. Омск: Омский юридический институт, 2012. 180 с. ISBN: 978-5-98065-095-7. EDN: QSPCJT.
17. Черданцев А. Ф., Гунин Д. И. Интересы законные, противозаконные и незаконные // Российское правосудие. 2013. № 7 (87). С. 12–21. EDN: RVZBMD.
18. Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб.: Лань, 2000. 606 с. ISBN 5-8114-0224-4.
19. Баш Л. М., Боброва А. В., Вечеслова Г. Л. [и др.]. Современный словарь иностранных слов: толкование, словоупотребление, словообразование, этимология: около 7000 слов, 14100 словосочетаний и предложений, 1600 цитат. М.: Цитадель, 2000. 926 с. ISBN 5-7657-0104-3.

20. Ожегов С. И. Словарь русского языка: Ок. 57000 слов / Под ред. Н. Ю. Шведовой. 20-е изд., стер. М.: Рус. яз., 1988. 748 с. ISBN 5-200-00313-X.
21. Лопатин В. В., Лопатина Л. Е. Русский толковый словарь. 4-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1997. 832 с. EDN: RTAOUJ.
22. Кольцов Д. В. Место принципа соразмерности в международно-правовом институте специальных методов расследования. Анализ с оперативно-розыскных позиций // Труды Академии управления МВД России. 2025. № 2 (74). С. 100–113. <https://doi.org/10.24412/2072-9391-2025-274-100-113>. EDN: FFISRI.
23. Толстой Ю. К. К теории правоотношений. Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1959. 87 с.
24. Шепелев Д. В. О понимании категории "законный интерес" // Актуальные проблемы российского права. 2010. № 2 (15). С. 42–51. EDN: NXYZOP.
25. Груздев В. В. Охраняемый законом интерес как объект гражданско-правовой защиты // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 10. С. 92–97. EDN: OCSPYL.
26. Багаутдинов Ф. Н. Обеспечение публичных и личных интересов при расследовании преступлений. М.: Юрлитинформ, 2004. 544 с. ISBN: 5-93295-114-1. EDN: QVXNTH.
27. Малько А. В. Основы теории законных интересов // Журнал российского права. 1999. № 5/6 (30–31). С. 65–72. EDN: VDJOHP.
28. Субочев В. В. Законные интересы / Под ред. А. В. Малько. М.: Норма, 2008. 495 с. ISBN 978-5-468-00151-6.
29. Витрук Н. В. Общая теория правового положения личности. М.: Инфра-М, 2008. 448 с. ISBN: 978-5-468-00162-2. EDN: SDQPGL.
30. Султанов А. Р. Обжалование и законный интерес // Вестник гуманитарного университета. 2017. № 4 (19). С. 73–79. EDN: ZXFHIV
31. Козлов М.А. Субъективное право и охраняемый законом интерес как предметы судебной защиты // Журнал российского права. 2008. № 3 (135). С. 69–77. EDN: NYJSPF.

References

1. Chupilkin Yu.B. Criminally prosecuted person: concept, types, legal status. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2025;(4):112-127. EDN: WCITLW. (In Russ.).
2. Lugovik V.F., Lugovich S.M. *The legal status of an operative during operational search activities*. Moscow: Scientific Publishing Center INFRA-M LLC; 2018. 156 p. https://doi.org/10.12737/monography_5a210698cef517.60525590. ISBN: 978-5-16-013526-7. EDN: YJJHBR. (In Russ.).
3. Lesovaya N.N. The system of legal guarantees of social protection of the operational staff of the penal enforcement system. *Man: crime and punishment*. 2017;25(1):131–136. EDN: YKTRVD. (In Russ.).
4. Goryainov K.K., Epifanov S.S., Zhuravlev A.N. [and others]. *On operational investigative activities : scientific and practical commentary to Federal Law No. 144-FZ of August 12, 1995 (article-by-article): tasks of operational investigative activities, operational investigative measures, legal protection officials, social and legal protection of citizens, prosecutorial supervision, departmental control*. Moscow: Prospekt; 2021. 128 p. ISBN 978-5-392-33574-9. (In Russ.).
5. Yadrikhinsky S.A. On the relationship between the legitimate interest and the subjective right of the taxpayer: structural features. *Law. Journal of the Higher School of Economics*. 2020;(1):170–188. <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2020.1.169.187>. EDN: IXVNOQ. (In Russ.).
6. Malko A.V., Subochev V.V. Legitimate interests in the legal life of society: current issues of theory and practice. *Pravovedenie*. 2014;2(313):84–98. EDN: TIWTGZ. (In Russ.).
7. Gladysheva O.V. *Theoretical model of mechanisms for ensuring the rights and legitimate interests of man and citizen in criminal proceedings*: dissertation by Dr. Sci. (Law). Moscow; 2013. 478 p. EDN: SUYELH. (In Russ.).
8. Em V.S. *The category of duties in Soviet civil law: Questions of theory*: dissertation ... Cand. Sci. (Law). Moscow; 1981. 209 p. (In Russ.).
9. Bratus S.N. *Subjects of civil law*. Moscow: Gosyurizdat; 1950. 376 p. EDN: RFXYAZ. (In Russ.).
10. Chechot D.M. *Subjective law and the forms of its protection*. Leningrad: Publishing House of Leningrad University; 1968. 72 p. (In Russ.).
11. Vlasova A.V. *The structure of subjective civil law*: dis. ... Cand. Sci. (Law). Yaroslavl; 1998. 150 p. (In Russ.).
12. *The Ascetic of Law: In memory of Nagashbai Shaikenov*. In 2 vol. of the 2nd Ed., revised and add. Vol. 2. Author-comp.: L.A. Shaikenova; Preparation of texts: I. V. Sinelnikov. Astana: Foliant; 2002. 400 p. (In Russ.).
13. Shadrin V.S. *Ensuring individual rights in the investigation of crimes*. Moscow: Yurлитинформ; 2000. 232 p. ISBN: 5-93295-015-3. EDN: RHTJJK. (In Russ.).

14. Kutsova E.F. *Guarantees of individual rights in the Soviet criminal process*. Moscow: Publishing House of Moscow University; 1972. 114 p. (In Russ.).
15. Maslennikova L.N. *Methodology of cognition of public and private (dispositive) principles in criminal proceedings*. Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2000. 180 p. EDN: ZUSJBL. (In Russ.).
16. Derishev Yu.V., Ovchinnikov Yu.G. *Theoretical foundations of criminal procedural guarantees*. Omsk: Omsk Law Institute; 2012. 180 p. ISBN: 978-5-98065-095-7. EDN: QSPCJT. (In Russ.).
17. Cherdantsev A.F., Gunin D.I. Legitimate, illegal and illegal interests. *Russian Justice*. 2013;7(87):12–21. EDN: RVZBMD. (In Russ.).
18. Petrazhitsky L.I. *Theory of law and the state in connection with the theory of morality*. St. Petersburg: Lan Publ.; 2000. 606 p. ISBN 5-8114-0224-4. (In Russ.).
19. Bash L.M., Bobrova A.V., Vecheslova G.L. [and others]. *Modern dictionary of foreign words: interpretation, usage, word formation, etymology : about 7000 words, 14100 phrases and sentences, 1600 citations*. Moscow: Citadel; 2000. 926 p. ISBN 5-7657-0104-3. (In Russ.).
20. Ozhegov S.I. *Dictionary Russian language: Approx. 57,000 words*. N.Yu. Shvedova (ed.). 20th ed., ster. Moscow: Rus. yaz.; 1988. 748 p. ISBN 5-200-00313-X. (In Russ.).
21. Lopatin V.V., Lopatina L.E. *Russian explanatory dictionary. 4th ed., stereotype*. Moscow: Rus. yaz.; 1997. 832 p. EDN: RTAOUJ. (In Russ.).
22. Koltsov D.V. The place of the principle of proportionality in the international law institute of special investigative methods. Analysis from operational-investigative positions. *Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2025;2(74):100–113. <https://doi.org/10.24412/2072-9391-2025-274-100-113>. EDN: FFISRI. (In Russ.).
23. Tolstoy Yu.K. *Towards the theory of legal relations*. Leningrad: Publishing House of the Leningrad University; 1959. 87 p. (In Russ.).
24. Shepelev D.V. On understanding the category of "legitimate interest". *Actual problems of Russian law*. 2010;2(15):42–51. EDN: NXYZOP. (In Russ.).
25. Gruzdev V.V. Legally protected interest as an object of civil protection. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*. 2011;(10):92–97. EDN: OCSPYL. (In Russ.).
26. Bagautdinov F.N. *Ensuring public and personal interests in the investigation of crimes*. Moscow: Yurlit-inform; 2004. 544 p. ISBN 5-93295-114-1. EDN: QVXNT. (In Russ.).
27. Malko A.V. Fundamentals of the theory of legitimate interests. *Journal of Russian Law*. 1999;5/6(30-31):65–72. EDN: VDJOHP. (In Russ.).
28. Subochev V.V. *Legitimate interests*. A.V. Malko (ed.). Moscow: Norma; 2008. 495 p. ISBN 978-5-468-00151-6. (In Russ.).
29. Vitruk N.V. *General theory of the legal status of the individual*. Moscow: Infra-M; 2008. 448 p. ISBN: 978-5-468-00162-2. EDN: SDQPGL. (In Russ.).
30. Sultanov A.R. Appeal and legitimate interest. *Bulletin of Liberal Arts University*. 2017;4(19):73–79. EDN: ZXFHIV. (In Russ.).
31. Kozlov M.A. Subjective law and legally protected interest as subjects of judicial protection. *Journal of Russian Law*. 2008;3(135):69–77. EDN: NYJSPF. (In Russ.).

Информация об авторе

Ю. Б. Чупилкин – кандидат юридических наук, доцент кафедры процессуального права, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Южно-Российский институт управления.

Information about the author

Yu. B. Chupilkin – Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Procedural Law, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, South-Russian Institute of Management.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 03.02.2026; одобрена после рецензирования 13.03.2026; принята к публикации 14.03.2026.

The article was submitted 03.02.2026; approved after reviewing 13.03.2026; accepted for publication 14.03.2026.